

Н. Д. ИВАНЧИН-ПИСАРЕВ

Письмо к кн. П. И. Шаликову

1819

Карамзин: pro et contra / Сост., вступ. ст. Л. А. Сапченко. -- СПб.: РХГА, 2006.
OCR Бычков М.Н.

Любезнейший друг мой!

В письме своем ко мне вы назвали мысли мои о великом человеке *энтузиазмом*. Зная образ собственных ваших мыслей, принимаю это за *восторг*, который есть *следствие наблюдения*. Я уверен, что вы не смешиваете меня с толпою крикунов, повторяющих за другими: "Карамзин! Карамзин!" Я называю его великим человеком, почитаю его первым изобретателем прозаической гармонии, приличной, сродной языку нашему; воображая, как бы писал он на языке, более предварительно обработанном (ибо творить, так сказать, слог во время важных соображений о существе излагаемого предмета есть подвиг Геркулесов), воображая его в лучшем веке, в лучшем обществе; среди судей римского витии, из коих каждый был сам хороший оратор, или среди Фенелонов¹, дающих пальму таланта Демосфену², и Лагарпов³, предпочитающих ему Цицерона⁴. Кто у нас говорит о нем так, как говорил о Цицероне Плиний?⁵ Кто, кто будет писать к нему так, как писал Плиний к Тациту?⁶ Не говорю о зависти, о сей злой дочери гордости и безумия, которой *жалкие усилия не редко еще более способствуют торжеству дарований, и всегда как легкие волны отражаются твердым подножием, на котором талант возвышается в честь отечеству, во славу разума и в память века...* (Карамзин) {"Желая учинить отпор моим ненавистникам, не знаю и весьма сомневаюсь, не больше ли я сам благодарить и их хвалить нежели мстить и уничтожать должен; благодарить за то, что они меня своей хулой хвалят, и к большему приращению моей славы не пожалели себя определить в какие-то Зоилы; что я не за меньшую заслугу себе почитаю..." (Ломоносов).}. Поклонникам сей нелепообразной богини стоит указать на примеры славных совместников, указать на бессмертного победителя Верреса⁷, Катилины⁸ и защитника Археасова⁹, всегда с восторгом упоминающего о знаменитом гонителе Филиппа;¹⁰ или привести им на память лучшего трагического поэта XVIII столетия, почти беспрестанно восклицающего: "C'est Rasine qui est veritablement grand!., c'est l'auteur d'Athalie qui est l'homme parfait!.. S'il y a quelque chose sur la terre qui approche de la perfection, c'est Jean!.." {"Только Расин истинно велик!.. Этот автор "Аталии" -- совершенный человек!.. Если есть на земле что-либо близкое к совершенству -- то это Жан!.." (Фр.).}

Но обратимся к *беспристрастным*. Одни кричат: "*История!*" Другие: "*Лиза!.. Письма русского путешественника!*" -- и смешивают все вместе. Никто не хочет посвятить минуты наблюдению; никто не хочет следовать за ним шаг за шагом в пространстве тридцати лет, усеянному им цветами неувядаемыми. Умники говорят, будто Николай Михайлович сожалеет о том, что рано издал в свет свое путешествие, ибо оно, по мнению их, исполнено *лишней чувствительности*. Нет, государи мои, таковое заключение несправедливо. Там видна вся душа его. Всякий, прочитав сии первые плоды его дарований, скажет: "Пылкость пройдет с годами, но пламенное стремление ко всему великому, возвышенному, изящному останется в сей благородной душе; останется и приметный дар слова, отличающий его от предшественников, и обогатится новыми познаниями. Если сей друг добродетели и природы когда-нибудь возьмет перо историка, тогда вострепещите Нероны!¹¹ Он отличит вас от Траянов;¹² а вы, благодетельные гении народов, украсившие нить веков минувших, ожидайте венца, достойного дел ваших: он усладит сердца их изображением!" Загляните, друг мой, в *Письма русского путешественника*, в письма из Базеля, Женева и Виндзора: там найдете вы так называемый *романизм*, правда, но согласимся в том, что там же блистает вся ясность души непорочной, души юного пришельца в мир, любящего добродетель и готовящегося вступить на поприще людей необыкновенных. Какая чистая радость сердца, неуязвленного страстями, незараженного завистью и злобою! Какое изобилие чувств и мыслей! Не так начинали писать бледные Зоилы, враги Гения, гонители дарований. О добродетель! Ты единственный вождь наш ко храму бессмертия. Если в первых опытах возникающего таланта не ты водила перо наше, то напрасно мы будем взывать к потомству: оно не отзовется ни звуку лир, ни витийственному вещанию нашему к